

Глава 20. Глухая боль

Когда Се Юй приземлился, на город уже опустились сумерки.

Се Юаньшань, заявивший, что умывает руки, сдержал слово: он лишь сунул сыну визитку представительства компании в городе С, предоставив ему самому обустраивать свою жизнь. Се Юй, не глядя, отправил картонный прямоугольник в ближайшую урну и сразу связался с Сюй Циншанем:

— Дядя, я на месте.

Сюй Циншань ответил мгновенно:

— Хорошо. Я попросил однокурсника встретить тебя.

Бросая сына в совершенно чужое, незнакомое место, Се Юаньшань рассчитывал, что тот быстро осознает свою беспомощность, приползет обратно с повинной и будет слезно умолять о прощении. И тогда отец, проявив «великодушие», сменит гнев на милость, разыграв сцену воссоединения любящей семьи.

Но он просчитался в одном: именно в городе С Сюй Циншань в своё время защищал докторскую диссертацию. Многие его друзья остались здесь жить и работать. Дядя искренне заботился о племяннике и заранее обо всём договорился, поэтому, стоило Се Юю выйти из терминала, он сразу увидел знакомого Сюй Циншаня.

Тот помог ему уладить формальности с документами и свел с надежным агентом по недвижимости. Юноша выбрал небольшие апартаменты на побережье — всего в пяти минутах ходьбы от пляжа. Быстро оплатив аренду, он наконец-то смог выдохнуть.

Закончив с делами, он взял в руки телефон, испытывая легкое колебание.

Согласно сюжету оригинала, молодой господин Се, сосланный отцом за границу, чувствовал себя униженным. Сразу после звонка Шэнь Цы он должен был внести его номер в черный список. Это была последняя важная сюжетная точка.

Се Юй помедлил, достал лист бумаги и аккуратно, цифру за цифрой, переписал туда номер Шэнь Цы. Лишь после этого он нажал кнопку блокировки. Его палец на мгновение замер над экраном, прежде чем подтвердить действие, а затем он сохранил номер в заметках.

В графе «имя» возникла заминка. В телефоне оригинального владельца герой был записан просто как «Шэнь Цы», но по логике сюжета это имя больше не должно было мелькать в его контактах. Се Юй ввел: «Фарфор».

Подумал немного и исправил на: «Господин Фарфор».

В тот вечер стоп-слово было выбрано случайно — просто на глаза попала витрина с вазами. Но со временем это прозвище казалось ему всё более точным.

Шэнь Цы выглядел изящным и хрупким, словно дорогой фарфор, но внутри него таился на редкость твердый стержень. Если попытаться разбить его силой, осколки непременно глубоко изранят обидчика, оставив кровавые следы — именно так и случилось с оригинальным героем романа. Но если держать его бережно, осторожно стирая пыль, можно ощутить то самое гладкое, благородное тепло белой глазури.

Закончив с этим, Се Юй убрал телефон и принялся изучать расписание занятий на следующий семестр.

Се Юаньшань, задействовав свои связи, впихнул его на экономический факультет одного из престижных университетов города С, пригрозив, что, если сын не получит диплом, пути домой ему не будет. Университет входил в число лучших мировых рейтингов и славился безупречной репутацией. Оригинальный Се Юй был настоящим прожигателем жизни, и, хотя он шел на любые уловки, за пять лет так и не смог закончить обучение.

Система вынырнула из небытия и с любопытством уставилась на экран:

[Зачем тебе расписание? Ты и правда собрался учиться?]

«Раз уж я здесь», — мысленно ответил Се Юй.

[...Сразу предупреждаю: на экзаменах я не буду помогать тебе списывать через сеть].

«Обойдись без твоей помощи».

В старшей школе он забросил учебу только из-за депрессии. Теперь же, когда появилась возможность, он был не прочь восполнить пробелы.

В город С пришла зима — суровая и безрадостная. Ночью разыгралась метель, и порывистый ветер повалил несколько сосен на набережной. Жизнь Се Юя превратилась в размеренный цикл: университет, дом, сон. В редкие выходные он собирал вещи и отправлялся путешествовать.

За те полгода, что он провел в роли изнеженного богатого наследника, он напрочь растерял свои кулинарные навыки. Оказавшись на чужбине, он никак не мог привыкнуть к местной еде, поэтому волей-неволей пришлось снова встать к плите. Сначала он наладил производство тушеной курицы с рисом, а со временем освоил и другие рецепты: крылышки в коле и тушеную куриную грудку.

Ближе к Китайскому Новому году Се Юй пригласил к себе нескольких одногруппников. Он приготовил огромную кастрюлю домашнего хого. Поскольку найти рисовую лапшу было непросто, он без затей бросил в бульон итальянскую пасту — и все уплетали её за обе щеки, будучи вполне довольными жизнью.

Юноша не кичился своим происхождением и вел себя как обычный студент, поэтому никто из сокурсников даже не догадывался, что он — богатый наследник. Все считали его серьезным парнем, приехавшим за знаниями.

Когда праздник подошел к концу и гости разошлись — две пары отправились на площадь смотреть салют, а остальные поспешили домой звонить родным, — Се Юй остался один в гостиной, прибирая следы веселья.

Ему некому было звонить.

Он загрузил кастрюли и тарелки в посудомойку, до блеска протер стол, а затем открыл банку пива и сел в кресло, глядя в окно. Свет в комнате он не зажигал. На далекой площади один за другим вспыхивали фейерверки: золотые, серебряные, синие и алые огни расцветали в небе и отражались в его глазах.

В Цзянчэне, несмотря на нелепость его роли, жизнь была ключом. Постоянные сюжетные сцены, посиделки с Хэ Чжиюанем и Чжоу Яном, бесконечные подначки над Шэнь Цы, которого он то и дело сжимал в объятиях ради забавы... Се Юй мог злиться, но ему никогда не было скучно.

А теперь даже их общий чат затих. Все они были лишь собутыльниками, и когда общие попойки прекратились, говорить стало не о чем.

Сегодня Чжоу Ян впервые за долгое время отметился в группе коротким: «С праздником», и снова замолчал.

Система тихо ткнула Се Юя:

[Эй, ты сейчас выглядишь как настоящий одинокий старик].

[Знаешь, как в тех американских сериалах про спецагентов? Агент уходит в отставку, заводит семью, а потом его жена и дети умирают от болезней, и он возвращается в организацию, чтобы снова «гореть на работе»].

— Поменьше смотри сериалы, — осадил её Се Юй.

Сюжетных сцен сейчас не было, и пока он был на занятиях, Системе было совершенно нечем заняться, кроме как забивать память бесконечными телешоу.

[А ты знаешь, что по всем законам жанра должно произойти дальше? Ты встретишь прекрасную девушку, в которую влюбишься с первого взгляда. Она обязательно окажется кем-то необычным и втянет тебя в кучу неприятностей, но тебе будет всё равно. Вы будете обниматься, целоваться...]

Он невольно усмехнулся:

— А ты знаешь, кого я обнимал чаще всего за всю свою жизнь?

Система запнулась:

[Своих родных?]

Се Юй качнул головой:

— Вообще-то, Шэнь Цы... Ты можешь не верить, но, кроме него, я не привык к физической близости с кем бы то ни было.

Из-за атмосферы в семье он никогда не был близок с родителями. Случаи, когда его обнимали, можно было пересчитать по пальцам. Позже, в школе, он стал «трудным подростком», и одноклассники предпочитали обходить его стороной.

Се Юй отхлебнул пива:

— Помнишь ту первую ночь? Я так и не смог уснуть.

Тогда, подчиняясь сюжету, он лег в одну постель с Шэнь Цы. Между ними было меньше двадцати сантиметров, он отчетливо слышал каждое его дыхание. Для него, привыкшего быть «одиноким хищником», это было сродни вторжению на территорию, и всё его тело было напряжено до предела. В ту ночь у каждого из них были свои мысли, но они молча притворялись спящими.

Система растерянно пробормотала:

[А как же все последующие разы?]

Неужели все те дни и ночи они тоже притворялись?

— Нет, — ответил Се Юй. — Позже, из-за требований сюжета, я просто привык.

Точно так же, как Шэнь Цы привык к запаху Се Юя и во сне неосознанно прижимался к нему,

тот привык ощущать его рядом. Он мог в любой момент протянуть руку и притянуть его к себе, словно мягкую подушку, обнимая и не отпуская.

Навязанный сюжет подарил Се Юю те немногие мгновения близости, что были в его жизни.

Он слегка потер кончики пальцев, словно пытаясь сохранить ускользающее ощущение тепла.

[...Да, ситуация непростая. Когда вернешься, вы с ним поменяетесь ролями. Так что готовься обнимать его уже в психиатрической больнице].

Закончив тираду, Система вместе с Се Юем принялась наблюдать за салютом. Разноцветные огни с шипением взлетали ввысь, на мгновение расцветали в небе и гасли, уступая место следующим. Этот цикл повторялся, пока не догорел последний залп, и небо не погрузилось в окончательную тишину.

Издали донесся колокольный звон — наступила глубокая ночь.

Допив пиво, Се Юй поднялся, чтобы умыться. Система, таинственно загрузив порцию данных, вдруг спросила:

[Хозяин, хочешь узнать, чем сейчас занят Шэнь Цы?]

Се Юй выдавил порцию пасты на щетку:

— Не смей лезть в чужую частную жизнь.

[Я и не лезу. Это всё открытые данные: университетские форумы и прочее].

Он долго молчал. Наконец он выбросил пустую банку в урну, и та отозвалась звонким стуком.

— Показывай.

[Итак... Их команда успешно завершила крупный проект. Его научного руководителя повысили, и они переехали в новый корпус. Так что, если надумаешь его искать, в старое здание лаборатории можешь не заходить].

— Я и не собирался его искать. Что еще?

[Некоторое время назад у его бабушки было обострение, но, к счастью, фонд «Циншань» вовремя выделил средства. Сейчас кризис миновал].

Се Юй замер:

— Еще?

[Ты был прав: Хэ Чжюань пытался найти его и доставить неприятности, но каждый раз, как он собирался в Цзянчэн, Чжоу Ян утягивал его куда-нибудь развлекаться].

Система на секунду замолкла:

[Больше никаких подробностей найти не удалось].

— Понятно, — коротко отозвался Се Юй. — Это хорошо.

***

В десяти тысячах километров от него Шэнь Цы чувствовал себя совсем не «хорошо».

Последние несколько месяцев он работал на износ, проводя ночи напролет то в больнице, то в лаборатории. Он отчаянно старался забить каждую свободную минуту своего времени.

Хань Юньюнь собиралась уходить. Вообще-то она должна была закончить дела раньше, но завтра предстоял переезд в новый офис, поэтому она осталась помочь с вещами. Укладывая сувениры со стола в чемодан, она украдкой взглянула на ассистента:

— Старший брат Шэнь, вы еще не идете?

Шэнь Цы устало потер переносицу:

— Нет, еще есть пара дел.

— Но у вас уже круги под глазами... — пробормотала девушка.

Шэнь Цы был настоящей легендой университета А. И дело было не только в его блестящих работах или оценках. Его благородное, холодное лицо сводило с ума многих девушек. Хань Юньюнь тоже любила иногда засмотреться на него во время перерыва — без задних мыслей, просто ради эстетического удовольствия.

Но за эти полгода он заметно осунулся. Его веки вечно были полуопущены, скрывая усталый взгляд, а кожа стала еще бледнее. Хань Юньюнь осторожно добавила:

— Старший брат, вам нужно пораньше лечь спать.

«Грех так изводить себя в лаборатории с такой-то внешностью!» — подумала она.

Шэнь Цы что-то невнятно ответил и коснулся экрана телефона. Он открыл чат, и его взгляд скользнул по имени, рядом с которым горел ярко-красный восклицательный знак — символ того, что его заблокировали.

Получив ожидаемый результат, он погасил экран.

Привычка проверять телефон в перерывах между экспериментами появилась у него недавно. До встречи с Се Юем юноша часто вообще не брал его в лабораторию, оставляя в шкафчике у входа. У него была старая модель телефона, на которой висли любые современные приложения, и пользовался он им как типичный консервативный старик — от силы пару раз в день. Мобильник для него был лишь средством связи, не более.

Но после того дня расставания он попытался отправить сообщение Се Юю. Ответа не последовало. За ту ночь Шэнь Цы проверил телефон сотни раз, пока в полузабытьи не вспомнил, что Се Юй сейчас в самолете. Он рассчитал время посадки, отправил еще одно сообщение и увидел этот красный восклицательный знак.

С тех пор это стало ритуалом.

Каждый раз, когда он открывал шкаф и видел аккуратно сложенную одежду; каждый раз, когда прикладывал студенческий билет к терминалу и видел остаток на счету; даже когда просто шел к лаборатории мимо аллеи гинкго... Он доставал телефон. Тот красный восклицательный знак горел так ярко, что от него щемило в груди, наполняя пустующее сердце неутраченной, глухой болью.

<http://bllate.org/book/15869/1440369>